

срѣ.

И місекій вряць Астронь і селскій
хазиня Войницькій («дидя Ваня») не-
множко неврастенки, оба обляжались,
опустившись попивають.

Про умного, оригинального Астрова красавица Серебрякова говорит: «Талантливый человек в России не может быть чистеньким. Что за жизнь у этого доктора: непролазная грязь на дорогах, морозы, метели, разстояния громадные, народ грубый, дикий, кругом нужда, болѣзни. При такой обстановкѣ трудно сохранить себя къ 40 годамъ чистенькимъ и трезвымъ».

Воиницкій, по опредѣленію Астрова, чудакъ, хотя, впрочемъ, быть чудакомъ докторъ считаетъ нормальнымъ состояніемъ человека. Во всякомъ случаѣ, дядя Ваня добрый, чуткій и несчастный человекъ. Несчастье его въ томъ, что, лишившись идеаловъ, онъ захотѣлъ счастья и жизни, когда уже было поздно. Всю молодость, все свои силы онъ принесть въ жертву мыльному пузырю, профессору Серебрякову, мужу своей покойной сестры, которого обожалъ и считалъ гениемъ. А на самомъ дѣлѣ этотъ ученый 25 лѣтъ подъ рѣдъ считалъ и писалъ то, что умнымъ людямъ давно извѣстно, а глупымъ неинтересно: значить, 25 лѣтъ перемывалъ изъ пустого въ порожнее.

Пьеса г. Чехова—драма интимная, драма современнаго больного человека. Современный человекъ боленъ, нравственно боленъ оттого, что ему хочется жить, а жить нечего. «Разрушено почти все, но не создано еще ничего», говоритъ Астровъ, и эти слова имѣютъ несомнѣнно также общій смыслъ. Въ сущности, конечно, в драма интимная будетъ драмой общественной, только въ

ней общее настроеніе наблюдается на болѣе нервныхъ, болѣзненно-чуткихъ субъектахъ, трагическая судьба которыхъ и обозначаетъ какъ-бы повышенную температуру эпохи и, въ частности, даннаго общества. Страдать можно либо отъ избытка энергіи и воли (напр. преступной), либо отъ недостатка той и другой. Въ драмахъ, гдѣ герой погибаетъ отъ сознанія своего собственнаго безсилія и неутоленной жажды жизни, всегда будетъ больше драматизма, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ герой падаетъ отъ чужой руки. Гамлетъ и Освальдъ Альвингъ (въ названной пьесѣ Ибсена)—родственные типы, продукты одной и той же сѣверной культуры, только разныхъ вѣковъ. А Освальдъ и герои г. Чехова—еще ближе другъ-другу: все это сыны нашего больного вѣка. Современный человекъ въ страданіи еще менѣе способенъ «дѣйствовать», чѣмъ люди прежнихъ поколѣній. Онъ скорѣе наложитъ руки на себя, чѣмъ убьетъ другого. Умилаго дяди Вани попытка застрѣлить профессора является послѣднимъ пароксизмомъ, послѣдней безумной вспышкой надомленнаго человека. И вотъ почему современная интимная драма требуетъ не столько внѣшняго дѣйствія, сколько жизни и движенія внутренняго, психологическаго. Современная драма не можетъ быть *просто* сценичною; и сказать бы даже больше: она не нуждается въ сценичности. Да проститъ мнѣ эту дерзость господа русскіе драматурги—авторы разныхъ окрыленныхъ и окрыле-

мыхъ пьесъ, русскаго репертуара, коими такъ богатъ мариологъ нашихъ театровъ. Но возвратимся къ пьесѣ г. Чехова. Я уже сказалъ, что она отличается даже требованіемъ сценичности. Что можетъ быть сценичнѣе той сцены, когда мужчины выходятъ съетка навеселѣ и Астровъ легкимъ подергиваніемъ плеча, сопровождаетъ тихіе, но игривые звуки балалайки; или сцены между Соней и Серебряковой, когда прежде далекая другъ другу, обѣ внезапно, подъ наплывомъ одного и того же чувства тоски и жажды счастья, сближаются и плывутъ въ долгомъ и страстномъ порывѣ. А какъ хороша сцена съ картограмой: Астровъ, этотъ любитель природы и охранитель лѣсовъ, демонстрируетъ Серебряковой картину постепеннаго культурнаго упадка. За 50 лѣтъ повурублены лѣса, дичь истреблена, выселки, хуторки, раскольничьи скиты, мельницы исчезли. «Вы скажете: культурныя влияния—да, если бы на мѣстѣ лѣсовъ появились фабрики, школы, желѣзныя дороги, шоссе; но здѣсь болота, нищета, тифъ, бездорожье, пожары. Вырожденіе отъ косности, невѣжества, отъ полнаго отсутствія самосознанія. Разрушено почти все, но не создано еще ничего».

Все это такъ просто и естественно. И такъ же просто и естественно играютъ гг. Станиславскій (Астровъ) и Вишневскій (дядя Ваня), и г-жи Книпперъ (Серебрякова) и Лилина (Соня). Они достигаютъ того высшаго впечатлѣнія правды, когда зритель, да, вѣроятно, и

сами артисты забываютъ, что это только игра, спектакль, а не кусочекъ дѣйствительной жизни, настоящаго страданія. И эта высокая иллюзія правды не покидаетъ васъ до конца пьесы, и вы никогда не забудете этихъ простыхъ, но потрясающихъ своей простотой словъ Сони, полныхъ ласки и утѣшенія, въ которыхъ слышатся подавленные рыданія скорбной женской души: «Я вѣрую, дядя, я вѣрую страстно... мы отдохнемъ! Бѣдный, бѣдный дядя Ваня, ты не зналъ въ своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнемъ... Мы отдохнемъ!».

Да, мы отдохнемъ, когда сумракъ жизни уступитъ мѣсто яркому солнцу. И я опять вспомнилъ знаменитую пьесу Ибсена: и тамъ то же отсутствіе свѣта и тепла: надъ голубымъ фьордомъ вѣчно висятъ дождевыя тучи. Помните эту страстную мольбу умирающаго сына больного отца: «Мать, дай мнѣ солнце!».

Когда я рано утромъ проѣхалъ по Невскому, съ Николаевского вокзала,—надъ Петербургомъ висѣлъ какой-то чадъ, вродѣ лондонскаго. Сырой туманъ окутывалъ улицы, царапалъ горло. Въ окнахъ магазиновъ мерцало электричество. Я съ иѣжностью вспомнилъ московское солнце, золотившее куполы сорока сороковъ.

А. Ремизовъ.